

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 4

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2022

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

- А.В. Смирнов, А.Ю. Антоновский, О.В. Никифоров** –
«Философский конгресс. Pilot». Беседа А.Ю. Антоновского
и О.В. Никифорова с академиком А.В. Смирновым..... 5

Философия, культура, общество

- С.А. Храпов, Л.В. Баева** – Цифровизация образовательного пространства:
эмоциональные риски и эффекты..... 16
- Н.В. Варламова** – Понимание конституционности
в философско-правовом дискурсе: мнимые и подлинные альтернативы..... 25
- М.В. Фомин, О.В. Беззубова** – Метафизика моногородов:
Пространство vs Время..... 37
- Л.Т. Рыскельдиева** – Искусство делать добро,
или О смысле философских заимствований..... 47

Философия и наука

- К. Франкиш** – Иллюзионизм как теория сознания. Часть II..... 59
- Г.П. Аксенов** – Идея времени и научная картина мира..... 72
- В.Н. Зима** – Объективное время и перспективы современной метафизики..... 83

История философии

- А.А. Яковлев** – Локк и революция..... 93
- Л.Э. Крышгтоп** – Лекции Канта по логике и их значение
для современного кантоведения..... 105
- М.И. Пантыкина** – Адольф Райнах и его забытый проект феноменологии права.... 116

Из истории отечественной философской мысли

В.И. Коцюба – Ф.Г. Якоби и московская школа духовно-академической философии XIX в. Часть I. Ф.Г. Якоби и Ф.А. Голубинский.....	127
П.А. Ореховский, Т.А. Вархотов, О.Б. Кошовец – Конкурирующие проекты социализма в СССР периода политического романтизма. Часть II. Социализм без экономики: конструктивизм и антиутопия.....	140
А.В. Бузгалин, Л.А. Булавка-Бузгалина, А.И. Колганов – Гуманистический потенциал советского критического марксизма.....	153

Философия и религия

К.С. Титов – Представления о природе человека у Сюнь Юэ.....	165
И.В. Белая – «Небожительница с шапкой из волос»: о жизни и даосских деяниях Тянь Сянь-гу.....	179

Из редакционной почты

В.Д. Рябченко-Шац – Влияние культуры Серебряного века на литературу периода НЭПа.....	204
--	-----

Научная жизнь

М.Л. Ивлева, В.И. Фалько – Экологизация образования для устойчивого развития (Обзор международных научных конференций в Республике Казахстан).....	215
---	-----

Критика и библиография

Ю.А. Разинов – Грякалов Н., Положенцев А. Сны бытия (очерки по антропологии науки).....	220
Contents.....	223

**«Философский конгресс. Pilot»
Беседа А.Ю. Антоновского и О.В. Никифорова
с академиком А.В. Смирновым**

© 2022 г.   А.В. Смирнов^{1*}, А.Ю. Антоновский^{2**}, О.В. Никифоров^{3***}

¹ *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

² *Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
Москва, 119991, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.*

³ *Издательство «Логос», Москва, 117342, ул. Бутлерова, д. 17б.*

^{*} *E-mail: mail@avsmirnov.info*

^{**} *E-mail: antonovski@hotmail.com*

^{***} *E-mail: logospublishers@gmail.com*

Поступила 09.02.2021

Беседа А.Ю. Антоновского и О.В. Никифорова с академиком РАН А.В. Смирновым о проблемах и особенностях современной российской философии, об отечественной и зарубежной философии, о полицентричности в контексте VIII Всероссийского Философского конгресса («Философия в полицентричном мире»).

Ключевые слова: философия, Конгресс, цивилизация, Россия, культура, наука.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-5-15

Цитирование: «Философский конгресс. Pilot». Беседа А.Ю. Антоновского и О.В. Никифорова с академиком А.В. Смирновым // Вопросы философии. 2022. № 4. С. 5–15.

“Philosophical Congress. Pilot” The Conversation of A.Yu. Antonovsky, O.V. Nikiforov and Academician A.V. Smirnov

© 2022   **Andrei V. Smirnov^{1*}, Alexander Yu. Antonovsky^{2**}, Oleg V. Nikiforov^{3***}**

¹*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

²*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240,
Russian Federation; Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 27/4,
Lomonosovsky av., GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.*

³*Logos Publishing House, 17b, Butlerova str., Moscow, 117342, Russian Federation.*

* E-mail: mail@avsmirnov.info

** E-mail: antonovski@hotmail.com

*** E-mail: logospublishers@gmail.com

Received 09.02.2021

Conversation of A.Yu. Antonovsky and O.V. Nikiforov with Academician of the Russian Academy of Sciences A.V. Smirnov about the problems and features of modern Russian philosophy, about the history of Russian and foreign philosophy, about polycentricity in the context of the VIII All-Russian Philosophical Congress (“Philosophy in a Polycentric World”).

Keywords: philosophy, Congress, civilization, Russia, culture, science.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-4-5-15

Citation: Smirnov, Andrei V., Antonovsky, Alexander Yu., Nikiforov, Oleg V. (2022) “Philosophical Congress. Pilot”. The Conversation of A.Yu. Antonovsky, O.V. Nikiforov and Academician A.V. Smirnov’, *Voprosy filosofii*, Vol. 4 (2022), pp. 5–15.

Антоновский: *Что такое российская философия в 2020 г.? И зачем для нее «VIII философский конгресс»?*

Смирнов: Что такое российская философия – это мы вскоре увидим на Конгрессе, где как раз и будет представлена максимально полная палитра российской философии. Но если говорить сейчас и коротко, то за прошедшие 30 лет после 1991 г. наша философия занималась тем, что осваивала неосвоенное – посредством очень активных переводов философской классики, прежде всего западной классики XX в., на русский язык. Но это же относится и к незападным философским традициям. Сейчас мы уже не испытываем того чувства отставания, которое было в советский период (по понятным причинам). Сегодня перед философией стоит другая задача – задача обратиться к жизни. Эта задача органично вырастает из той ситуации, которая сегодня складывается и в России, и в мире, из того глобального культурно-цивилизационного переконфигурирования мира, свидетелями которого мы являемся. Конечно, это задача философии: осмыслить себя, осмыслить страну, осмыслить мир и понять, что происходит и что может происходить в будущем. Если же говорить дисциплинарно, то российская философия представлена на «Конгрессе» практически всеми дисциплинами, которые сегодня могут быть обозначены в качестве философских. Она очень разнообразна. В российской философии много сообществ, которые разрабатывают свою тематику, разрабатывают свой язык. И в этом смысле они – огромное полицентричное сообщество.

Никифоров: *Сохраняет ли свою значимость и сегодня «старая добрая» дихотомия «философия как наука vs философия как жизнь»?*

Смирнов: Я думаю, каждый философ для себя сам решает этот вопрос. Я думаю даже, что это не дихотомия, что могут быть названы и другие решения. Но что касается моей личной позиции, то я, как и многие другие, не считаю, что философия – это «наука». Здесь сразу возникает вопрос: ведь в нашем мире сциентистского мышления «наука» – это не просто наука, это что-то хорошее, ценностно нагруженное. И сказать, что что-то «не наука», – это будто бы покритиковать или принизить. Вовсе нет! Ведь любая наука работает с каким-то определенным сегментом мира, онтологию которого не наука задает – она уже предзадана науке. А наука только и начинается тогда, когда этот сегмент, эта реальность УЖЕ задана. Для физики, скажем, – своя реальность, для химии – своя, для биологии – своя, причем каждая из них не выходит в другую реальность. Но для философии нет «кусочка» реальности, нет «сегмента», с которым она работает. Это иногда ухватывают, когда говорят, что философия работает с «предельными понятиями». Да – с «предельными», потому что ничто не предшествует философии.

Философия – первая в этом шаге осмысления мира, осмысления действительно-сти. Наука идет на следующем этапе, когда уже что-то задано и наука может с этим работать, не задавая вопросов о своих собственных основаниях. Наука не спрашивает: «почему такая реальность?»; математика не спрашивает: «почему число?», «почему линия?» – она работает с числом и линией. А философия – спрашивает! И в этом смысле философия – не наука: она стоит на шаге ДО того, как наука становится возможной. А «философия как жизнь» – это же определенный стиль философствования, это ведь не любая философия. В каком-то смысле – да, «философия как жизнь». В таком, что философия целостная, даже если она дисциплинарно делится, и эта целостность не может ускользнуть вовсе из философского взгляда. И этическая составляющая философии тоже не должна утрачиваться. Философия не может превращаться просто в технику или технологию. «Как ты учишь, так ты и живешь»: ты не имеешь права учить тому, что сам не проживаешь. В этом смысле с принципом «философия как жизнь» я согласен. Я это исповедую: я не могу говорить о том, чего не проживаю сам и что я не делаю принципом своей жизни. Я не могу этому учить, как и не могу это провозглашать.

Никифоров: *Отсюда следующий вопрос: как соотносятся личная ответственность философа и «Конгресс» как коллективное свершение? Нет ли здесь противоречия «в посылках» между частным и общей задачей для всех представителей «философского цеха»?*

Смирнов: Да, философия – это всегда только личное дело. Философии и не может быть, если она не является личным делом и личной ответственностью. И тогда возникает вопрос: а в чем смысл таких конгрессов, где собираются действительно все или едва ли не все российские философы? Ведь давно известно, что чем широкомасштабнее конгресс, тем меньше открытий на нем делается. Самые интересные вещи происходят в узких собраниях или на специализированных докладах. И вот здесь встречаются два полюса – я бы не сказал, что две «противоположности», но полюса, возможно, даже диалектические. Потому что ведь личность не может существовать вне сообщества, верно? И любое становление философом не может происходить только внутри личности, как не может, по Витгенштейну, быть индивидуального языка. И так же не может быть абсолютно индивидуализированного философа вне сообщества.

И да, вы правы: собрать сообщество – это особый вызов. Вот как это сделать? Как сделать так, чтобы не утратить личное, личностное начало и вместе с тем эту «собранность» как-то представить? Это большая задача для конгресса, это не просто решается... Здесь есть и формальные, и неформальные приемы. В том числе пленарные доклады служат тому, чтобы как-то собрать, задать стержень общих разговоров; и то, что происходит за пределами формальных заседаний секций, что происходит, как говорится, «в кулуарах», – это тоже бывает очень интересно, если даже не более интересно, чем официальная часть конгрессов. Поскольку это и есть жизнь.

Антоновский: *Несмотря на всю «полицентричность», заявляемую в качестве темы Конгресса («Философия в полицентричном мире»), несмотря на то, что мы принимаем к участию в нем практически «все и всех»... Использовался ли какой-то принцип отбора при рассмотрении заявок на РФК-2020?*

Смирнов: Я не думаю, что отбор на Конгресс может происходить по каким-то формальным или формализованным критериям. По той простой причине, что до сих пор никто не возьмет на себя смелость сказать, что знает точный ответ на вопрос «что такое философия?». Мы не дадим формального ответа на этот вопрос, но тем не менее каждый, кто считает себя «философом», чувствует, что знает ответ на этот вопрос. Как в свое время Деррида говорил: мы знаем, что мы понимаем под словом «философия», хотя и не можем дать формального ответа на этот вопрос. Так же и здесь: наверное, в определенном смысле критерием может являться ощущение «профессионализма» или «непрофессионализма». Мне кажется, нужно принимать все, что не является заведомо «непрофессиональным», поскольку никто не знает, из чего прорастет философия завтрашнего или послезавтрашнего дня. Ведь и та философия, которая становилась в дальнейшем «классикой», в свое время, как правило, классикой не была. Хрестоматийный пример тому – Сократ. Хотя были вместе с тем и философские школы. То есть философия складывается очень по-разному, и было бы крайне опрометчиво что-то отсекают.

Антоновский: *Также относительно заявления «полицентричности» – не возвращаются ли вместе с ним и бывшие споры и противостояния различных «-измов»?*

Смирнов: Если вы говорите о российской философии, то я думаю, что пока нет. Они, может быть, и намечаются, но пока их нет. Нет такого, чтобы мы говорили о сформировавшихся философских партиях или направлениях. Но само понятие «полицентричности», которое вынесено в заголовок, в название Конгресса, конечно, имеет очень много измерений. Это не однозначное понятие, и одно из его значений вы и назвали: полицентричность самой философии. И внутри российской философии есть и то и другое – различные до противоположности явления, о которых вы упоминаете. Есть и сообщества, которые активно добиваются грантов, то есть сообщества, освоившие всю технику этого дела, иногда в ущерб самой философии, как это всегда бывает, когда техника ставится впереди мысли; а есть сообщества, замкнутые действительно на себе, например, сообщества, которые работают с классическими текстами и не очень-то выходят в «открытое пространство». Но и те и другие необходимы для философии.

Однако под «полицентричностью» ведь имеется в виду не только философия. Россия принципиально полицентрична. Это, конечно, длинный, долгий разговор, но я думаю, то, что можно и нужно называть полицентричностью России, отличает ее от других стран, в которых есть какая-то похожая культурная, этническая и прочая «пестрота». Поскольку ситуация в России такова, что мы имеем здесь по крайней мере четыре мощных культурно-цивилизационных потока, представленные православием, исламом, буддизмом, иудаизмом, и пятый – представленный традиционными верованиями культур Сибири и Севера. И эти потоки (я не беру более «детальные», как, скажем, конфессии протестантизма, католичества и прочее, я беру только основные течения) – все они представлены не иммигрантами. И в этом принципиальное отличие России от современной ситуации в Европе или в США (когда проводят параллели между Россией и США). В этом смысле ситуация принципиально разная, потому что Штаты – это страна иммигрантов, и сам факт переезда в Штаты означает отказ от культурных корней как системообразующих и принятие *другого* системообразующего принципа, а именно – политических процедур, которые, собственно, и объединяют американцев. Все же остальное их разъединяет, что, кстати, сейчас очень ярко проявилось. Тогда как ситуация в России совершенно другая. Вы не можете так поступить, вы не можете игнорировать или как-то маргинализировать культурно-исторические корни каждого из этих потоков. Мы знаем примеры, когда пытались это сделать, но это каждый раз кончается плохо. Поэтому сама эта принци-

пиальная полицентричность России не позволяет принять в качестве работающего решения некую рамку.

Вы не можете выдать одно общее для этих потоков: их надо конфигурировать по другой логике – не по логике объединения, не по логике чего-то общего, что «для всех работает». Они должны быть собраны так, как собирается, скажем, семья, как собирается некий творческий коллектив, труппа актеров. А там другой принцип – не общего закона или чего-то такого, что их помещает в одно пространство. Они собираются ради *общего дела*, и это общее дело держит их вместе, не дает распасться. И эта полицентричность является, конечно, огромным вызовом для России, поскольку она требует прежде всего теоретического философского решения.

Ну и, наконец, сам мир полицентричен. Несмотря на эту эпоху абсолютной власти, абсолютного лидерства Европы и в целом западного мира. Если брать исторические мерки, конечно, она заканчивается и, конечно, другие огромные цивилизационные материи, такие как Китай и Индия, исламский мир, выходят на арену в качестве полноценных. И каждый из них заявляет о собственных мировоззренческих, культурных и цивилизационных корнях. Заявляет, если угодно, о собственной логике культуры. Это вещи, которые завязаны на логику, поскольку все они касаются понимания того, что такое человек. Человек – это индивид, личность европейского типа? Или же человек – это что-то другое? Другое понимание человека... Возможно ли вообще «универсальное» понимание человека? Возможна ли «универсальная» система ценностей? Или же все, что объявляется «универсальной системой ценностей», является навязанным другим культурам и не соответствует их психологическому устройству или их внутренней логике? Это не выдуманные вопросы, они действительно выдвинуты повесткой дня и сегодняшней ситуацией. Если же говорить о векторе, то я думаю, что именно это и есть общий вектор. Общий не в смысле «родового начала», что все должны в него встроиться; он общий как *ведущий*, привлекающий, если хотите – некая *силовая линия*, по которой можно ориентироваться, линия *общего дела*. И это не значит, что на Конгрессе не будет разговора о совершенно не имеющих к этому отношения (по крайней мере, внешне) вещах. Конечно, будет совершенно разнообразный, как всегда, разноплановый Конгресс. Но обозначенная полицентричность – это, как мне кажется, нечто действительно векторное. Именно поэтому эта идея и была вынесена в название Конгресса.

Никифоров: Сложность включения «восточных философий» в рамки Конгресса – не усугубляется ли она необходимостью учитывания также и «многослойности» Российской истории с ее рубежными «разрывами» 1917 и 1991 гг.? Насколько преодолимы для дискурсивного наследования эти «разрывы»? Как и в чем сохраняется преемственность внутри «этапной» последовательности: Русская (дореволюционная) – Советская – Российская Философия (или философии)?

Смирнов: История России в двадцатом веке – это особая история. Однако многие страны обладают такой раздробленной историей. Естественно, что человек прежде всего переживает свою собственную судьбу, зачастую не зная о судьбе других. Например, если говорить про арабский мир, это освобождение от колониализма, затем этап социориентации. Хоть сейчас об этом забыли, а я хорошо помню движение арабских националистов за единую арабскую нацию, следование социалистической ориентации, попытки выстраивания общеарабских конструкций, которые оказывались неудачными, но тем не менее они были! И Объединенная Арабская Республика просуществовала какое-то время. Были общеарабские партии, партия Баас, коммунистические партии в арабских странах, Национальные Фронты... Это все – особая эпоха для этих стран. Затем другой поворот – поворот в сторону исламизации. А потом, в последние два десятилетия – фактическая утрата государственности, возвращение едва ли не во времена родоплеменной раздробленности «благодаря» внешнему, прежде всего американскому и европейскому, силовому вмешательству. Разве это не трагедия, разве это не излом?

Посмотрите, что пережили эти страны. Так что русские разломы – они, конечно, огромные, но, на наше счастье, мы сохранили страну. Хотя она меняла свои границы, но

страна сохранилась, и сознание сохранилось, и мы все-таки говорим о разломах в *истории России*, а не о разных государствах. И в этом смысле, да, это одна из задач для современной русской философии – ответить на вопрос: что сохраняется при этих разломах? Ведь что-то сохраняется! Почему Достоевский, Толстой, почему Соловьев, Бердяев, Трубецкой и другие, почему они сегодня могут разговаривать с нами? Значит, у нас одна судьба, значит, у нас одна страна, хотя она и переживала такие изменения. Что есть такого в русском сознании, что делает Россию Россией? Вот это вопрос, понимаете. Просто сказать, «Россия – это Европа» – это не ответ. Не хочется употреблять сильных слов, говорить, что это интеллектуальная трусость. Потому что вы уходите от вопроса, если не говорите, *почему* Европа... Ведь вы понимаете, вот возьмите исламский сегмент России... Мы почему-то думаем, что Россия ограничена православным сегментом или вестернизированным сегментом ее культуры, населения, людей, элиты, что она обращена в сторону Европы. Но есть исламский сегмент. Исламские регионы России, Кавказ, Поволжье были органичной частью другого мира, где процветала традиционная исламская культура, где создавались арабские рукописи в большом количестве и творили такие известные во всем исламском мире ученые, как Марджани. То есть это была часть исламского мира. И что, если мы теперь будем на это ориентироваться, то скажем, что Россия – это исламский мир? Понимаете, когда мы говорим «Россия – это Европа», мы поступаем в каком-то смысле безответственно. Мы принимаем самих себя за всех: каждый, кто так говорит, принимает свое ощущение за ощущение всех. Но ведь на деле это не так. Я думаю, что философ не может так поступать: принимать отдельное за всеобщее.

Никифоров: Но ведь это далеко не просто – помыслить Россию как часть исламского мира...

Смирнов: Это вам сложно помыслить, а если вы поговорите с теми, кто внедрен в исламскость в России (а таких людей немало), то окажется, что им это как раз очень легко сделать. Посмотрите на языковую ситуацию в современной России, на массивный и ничем не оправданный с точки зрения языковой необходимости вброс слов из английского и некоторых других языков. В европеизированном сегменте. Но посмотрите на языковое поведение в, условно говоря, исламском сегменте: там происходит арабизация. Вы же не думаете, что «англизация» русского языка – это единственный процесс, который протекает в современном русском языке. И «арабизация» русского языка происходит – точно такое же неоправданное внедрение арабских слов, иногда персидских. Это связано с историей ислама. Поэтому я и говорю, что это безответственная позиция, которая имеет очень неприятные следствия в дальнейшем, поскольку вызывает ответную реакцию у других.

Любая частичная идентификация для России чревата последствиями. Россия не может иметь частичную идентификацию. Вы не можете дать общую характеристику, которая будет ко всему применима. Сказать, что Россия – «это Европа», «это исламский мир», «это Сибирь». Вот сибиряки скажут вам, что «Россия – это Сибирь». А Сибирь – это не европейская часть, это не исламская часть. Это отдельная часть. И Дальний Восток – это отдельная часть. Вот задача: как вам эти разные центры собрать? Не дать им единую идентификацию, а собрать! Так, чтобы каждый из них оставался собой. И это задача именно философская: как вы можете сохранить логику каждого из них и собственное лицо каждого из них, но при этом *собрать*, а не дать им разбежаться.

Никифоров: Другая чрезвычайно сложная задача – разобраться с тем, куда указывает новый вызов Китая с его «неокапиталистической» экономикой и компартией у власти...

Смирнов: Китай – это Китай. То, что там есть коммунистическая партия, и то, что там есть капитализм, – это вещи не глубинные, не существенные в данном случае. Существенно то, что Китай оставался Китаем, сохранил собственную логику и собственное мировоззрение, прежде всего основанное на конфуцианстве. Это именно логика, это то, что позволяет выстроить сегменты мира в связанную картину. Вот простой пример: спросите сегодня в Китае: «как вы относитесь к Мао?» Известно, с одной стороны,

что была «культурная революция», она осуждена, и никто не хочет повторения «культурной революции» (кроме, может быть, совсем молодых китайцев, которые не жили при ней) ни в коем случае. Но «культурная революция» – это Мао, а Мао на всех банкнотах. Мавзолей Мао посещается. Кстати, что касается мавзолея Мао – будет странно, если, войдя, вы не почувствуете его принципиального, существенного родства с буддистским храмом. Это к вопросу о культурных корнях. И сегодня в Китае в оценке Мао нет такой однозначности. «Китайский» ответ: 80% хорошего, 20% плохого. «Процент» может меняться со временем на 70 к 30, по-разному, но способность сложить «мозаику» остается. Назовите это «мозаикой» или назовите какой-то особой «расстановкой», когда вы не ищете единой характеристики. Европейское мышление очень любит единые сущностные характеристики, что, кстати, транслируется и на понимание ценностей, когда «либо хорошо, либо плохо», – и эта дихотомия преследует европейское мышление. В Китае же такого нет: Мао – это ни «хорошо», ни «плохо»; на 80% хорошо, а на 20% – плохо. И это позволяет Китаю органично включить этот период в свою общую историю.

И Китай, конечно, стремится углублять свою историю. Это многотысячелетняя цивилизация, очень мощная, уверенная в себе, в своей самодостаточности, и не без основания. И конечно, цивилизация, которая умеет планировать свое будущее, она и имеет это будущее. Почитайте книги одного из моих любимых авторов – Франсуа Жюльена. Это французский философ, который много пишет о Китае. У него совершенно потрясающие работы. Он утверждает, что Европа никогда не знала Китая. Он прав, поскольку он говорит о самых основаниях мышления. У Китая есть такие собственные основания мышления, какие для Европы лежат в Греции. И Жюльен утверждает, что основания европейского мышления не могут быть открыты европейцу, потому что он не может на них посмотреть извне.

Почему он занялся Китаем? Он берет в кавычки слово «Китай». Это для него другая точка зрения, которая позволяет посмотреть на основание европейского мышления и греческого мышления так, чтобы этот взгляд был бы выстроен *не на греках*. Но это именно и есть, собственно, философская задача сегодняшнего дня. Потому что сегодня-то мы знаем, что никакая традиция, в том числе и европейское мышление тоже, не абсолютна. Есть и другие традиции мышления, и отсюда вопрос: как вы можете их основание схватить, как выстроить это другое основание? Эту задачу – в плане собственно философских вещей – и ставит Франсуа Жюльен. Важно то, что он говорит о «Китае»: что это целостное мировоззрение, целостная культура, целостная логика, целостное мышление, которое в этом смысле самодостаточно. Китай, конечно, знает, что будет с ним через 50 или 100 лет, у него вполне все распланировано. И главное здесь то, что Китай выполняет свой план.

Никифоров: Но насколько он «инклюзивен», открыт для других – этот новый путь Китая, по сравнению, например, с предложениями «западной демократии», «американского образа жизни»?

Смирнов: А почему же тогда «европейские», или «американские», представления о ценности человеческой жизни заканчиваются там, где заканчиваются границы этих стран? Границы этой «ценимой жизни» – это границы этих стран. Да, вы можете туда приехать и стать американцем. И в Китай вы тоже можете приехать и стать китайцем, пожалуйста. Я знаю таких людей, в том числе и американцев, которые, глубоко постигнув китайскую культуру и возлюбив ее всем сердцем, живут в Китае и которым, собственно, ничего больше не нужно. Точно так же были и европейцы, которые принимали арабскую культуру. Такое бывает, но это же не значит, что какая-то одна из этих, любая – европейская или американская, китайская или индийская – модель может быть универсальной моделью для всего мира. Считать так – великое заблуждение, и за попыткой сделать какую-то одну модель универсальной стоит великое зло. Вот почему важно понимать, что мир *полицентричен*, он не может быть приведен к унификации, будь то по американской модели, по европейской, по какой угодно! Он должен сохранить свою полицентричность, свою полилогичность, поликультурность.

Антоновский: Конечно, с этим понятием полицентричности возникает парадокс: не становится ли «полицентричность» гегемоном, новым универсализмом, уничтожающим другие полюса, другие возможности рассуждения?

Смирнов: Любой дискурс центрирован на чем-то. И единственное значимое ограничение – не принимать собственный центрированный на чем-то дискурс за универсальный. Вот единственное ограничение. Примером тому может послужить формула веротерпимости. Известный суфийский философ Ибн Араби выдвинул такую формулу: любая религия истинна, неистинным в религии может быть только отрицание истинности другой религии. То есть мера истинности твоей религии – это признание истинности любой другой религии. Причем это сказано всерьез, это не формула «политкорректности». Религия теряет свою истинность, как только она отрицает истинность любой другой религии. Так же и здесь: твой дискурс центрирован, он правилен, истинен и самодостаточен, но только до тех пор, пока ты не отрицаешь центрированности и самодостаточности других дискурсов, других «центров». Поэтому здесь нет никакого тоталитарного или универсалистского притязания. Другое дело, если вы претендуете на то, что способны построить дискурс, который *собирает* все эти различные дискурсы, – это уже другой вопрос. Но попробуйте сначала это выстроить, попробуйте решить эту задачу, а потом уже можно будет говорить об «универсализме».

Антоновский: Относительно запроса на философию – реагирует ли Конгресс на запросы из «внешнего мира»: Министерства науки и высшего образования с его требованиями философских достижений; органов государственной власти с их установками на интеллектуальную легитимацию актуальной политики; гражданского общества с его требованиями определиться в вопросе прав и свобод?

Смирнов: Я не думаю, что философия в России, если мы говорим о российской философии сегодняшней, каким-то образом встроена в эти властные отношения или что она обслуживает чьи-то интересы. Этого нельзя сказать просто потому, что таких запросов нет. Мне неизвестно, чтобы к философии поступал «запрос» на некое «обоснование» или «осмысление» чего-то. Да, могут быть какие-то конкретные вопросы, например: «что такое биоэтика?». Но это просто вопрос, на уровне консультаций. Относительно философии в России сегодня – я считаю, что у нее счастливая судьба, потому что наши философы имеют возможность заниматься фундаментальной наукой. Вот «продавать» философские тексты сложнее – у нас эта индустрия плохо налажена, так же как и книжная индустрия и книгоиздательство. Сейчас идеология книгоиздания и книготорговли просто ужасающая... Имеется немало проблем и с библиотечным делом и всем прочим. Это наши обязанности. Это наши обязанности. Но как-то научились справляться, и современная цифровая реальность как-то в этом помогает.

В общем, я бы сказал, что каждый реагирует на общественный запрос постольку, поскольку его чувствует. Но в основном философы занимаются собственно философским делом, чем они и должны заниматься. Хотя и имеются попытки превратить философию в технологию, что, возможно, звучит красиво и вроде бы современно, но по сути своей мало нравственно. Ведь философия имеет дело с человеком, и если вы превращаете ее в технологию, это значит, что вы человека превращаете в нечто манипулируемое, в управляемую машину. Хотя XX в. и был веком развития социальных и гуманитарных технологий, но на самом деле это ужасно. Ведь человек стал манипулируемым почти на 100%, сохраняя при этом иллюзию своей свободы и якобы свободного решения. Сегодня социология, социологический опрос, социальная психология прекрасно знают, как манипулировать человеком, сохраняя для него иллюзию свободного выбора. И это, кстати, тоже один из фундаментальных вызовов сегодняшнего дня, наряду с экологическим и со всеми другими, о которых постоянно говорят. Но об этом манипулировании не говорят; то, что человек стал объектом манипуляций благодаря именно гуманитарным, или социально-гуманитарным, технологиям, которые – из лучших побуждений! – были развиты науками. Да, наука не может не открывать что-то новое, но иногда это приводит и к таким результатам. И, пожалуй, главная, если не единственная сила, которая способна это видеть и отнестись к этому

свободно, – философия. Это тоже задача философии: оградить человека – даже не «оградить», поскольку «оградить» трудно, – но хотя бы *показать* этот механизм манипуляции человеком.

Антоновский: *Не следует ли российской философии быть более внимательной к вызовам из публичной сферы (реакция на актуальную политику, на активизмы – гендерные, экологические, феминистские и т.д.), как это имеет место в случае западной философии?*

Смирнов: Российское общество – это российское общество, а западное общество – это западное общество; у них разная история. Давайте я вам следующим образом, несколько извне, отвечу на этот вопрос. В XX в., когда в арабских странах в результате целого ряда процессов пробудилось национальное культурное самосознание, классическую арабскую философию (с мощнейшей традицией!), которая в свое время не отставала от европейской, они стали оценивать по меркам западных историко-философских категорий. Они принялись искать, а где тут «гносеология»? Где «онтология»? Где тут «этика» и т.д. И получалось так, что арабо-мусульманская философия «какая-то не такая», какой должна бы быть, она не подходит под эти критерии, не удовлетворяет этим критериям, она «недофилософия». И тогда зазвучали голоса, которые спрашивали (Хасан Ханафи, например): слушайте, а почему мы не спрашиваем, а где в европейской истории калам? Где суфизм? Где мутазилизм? Почему категориальную сетку одной культуры мы берем как «эталонную» и прикладываем к другой? Вот вы говорите, что европейская философия отзывается на вызовы публичной сферы, – это отлично, прекрасно! Возможно, очень большой недостаток современной русской философии заключается в том, что она этого не делает, – но, может быть, это как раз, наоборот, ее достоинство?

И я вам скажу, что такой вопрос будет правомерен. Например, опыт советской жизни – те, кто его имеют, но, думаю, и следующее поколение – сделал современное русское сознание практически неманипулируемым. Советский опыт дал иммунитет, стал своего рода прививкой, пусть очень болезненной, против этого манипулирования. Такой прививки нет в современном европейском обществе, которое, конечно, манипулируемо средствами массовой информации гораздо больше, чем российское. Это видно из разговоров, вы можете это почувствовать. Я не говорю, что там нет интеллектуалов, которые критичны, – я говорю в целом, «в массе». Ведь понятно, что в данном вопросе значение имеет масса. Так что, я думаю, мы тоже можем задать какие-то вопросы относительно «западной» современности: кто там на что реагирует и кто чему соответствует?

Никифоров: *Вопрос о статусе «очевидного» сегодня, в пост-современном мире. Происходит ли обращение за советом к философии, в первую очередь вследствие «катастроф» ранее успешно функционировавших механизмов и функций (как, например, в случае актуальной «пандемии» или же в результате исчезновения крестьянского образа жизни) или же философия сама по себе сохраняет достаточную привлекательность?*

Смирнов: Я думаю, скорее, второе. Да, конечно, на ситуацию с коронавирусом хочется откликнуться. Но первые, кто откликаются, – это медики, психологи, социологи. Для философии тоже, конечно, важна повседневная жизнь, но все-таки не настолько, как фундаментальные вещи. А что касается вашего вопроса о действительном утрачивании крестьянского образа жизни, крестьянского быта, то этот процесс сейчас, можно сказать, уже завершается. Он шел фактически весь XX в. Ведь что такое была индустриализация, как не массовый сгон крестьян в города? Индустриализация всегда такими процессами сопровождается. Сейчас в России индустриализированное сельское хозяйство. Хорошо это или плохо – не знаю. Мне жаль, что уходит старая деревня, я это наблюдаю воочию, поскольку лето провожу в деревне, вижу это и в Подмосковье, где вообще почти не осталось деревень, и в других местах. Это неизбежно, но тогда встает вопрос: а что, собственно, есть такое эта самая «русскость», о которой вы говорили? Россия – это крестьянская страна или нет? Разве с утратой крестьянства Россия перестала быть Россией? Нет, я так не думаю. Я не думаю, будто то, что может считаться

«национальным характером», связано именно с крестьянством. Скорее наоборот – то, что может считаться национальным характером, влияло на крестьянство. И я не думаю, что с утратой этого образа жизни будет утрачена наша самость и прочее.

Но это неизбежно – следующее поколение, которое приходит, не будет заниматься крестьянским трудом. За очень редкими, единичными исключениями, когда какие-то семьи из Москвы переезжают и занимаются не фермерством, но именно *крестьянским трудом*, домашним хозяйством. Это единичные примеры. Есть движение из городов в сельскую местность – просто подальше от городского шума и суеты, благодаря возможности удаленной работы. Но в результате сельская местность превращается, скорее, в дачную, не в крестьянскую.

Антоновский: Дилемма «мудрость или разум» сохраняет свою значимость для философии сегодня?

Смирнов: Разум без мудрости вырождается в технологию, но мудрость без разума вырождается или в знахарство, или в какое-нибудь религиозное сектантство, в оккультизм и т.д. Мудрость и разум должны быть вместе, обязательно. Не может быть одного без другого.

Антоновский: Вопрос в продолжение: кто сегодня в России интересуется философией? Не видите ли Вы пренебрежительного, высокомерного отношения философов к «нефилософам»?

Смирнов: С одной стороны, любое профессиональное сообщество недооценивает всех, кто к нему не принадлежит. Так и плотники вряд ли высоко оценивают «неплотников», тех же философов. Это универсальная, думаю, вещь: любое закрытое сообщество именно потому, что оно закрыто, недооценивает других. Но для кого пишет философ? Я думаю, что философ пишет не для *кого-то* – он пишет *почему-то*. Он пишет, потому что что-то в нем заставляет его писать, потому что есть проблема, которую он должен решить, я так это ощущаю. Николай Сергеевич Трубецкой говорил (не о «философах», а об «интеллектуалах» или «ученых» вообще), что интеллектуал творит из *иррационального желания творить*. Желание творить – либо божественное («бог творит»), либо иррациональное: потому что никакого рационального обоснования человеческого творчества нет. Да, позже приходит рационализация: «а как это использовать?», «как продать картину?» и т.д. Но, послушайте, если актер играет для того, чтобы получить зарплату (что тоже может быть), – это уже не тот актер, которого мы назвали бы «Актером с большой буквы». Актер играет, потому что он этим *живет*, для него это жизнь. И для философа философия – тоже *жизнь*: желание или необходимость ответить на тот вопрос, который тебя сейчас мучает. Я думаю, вот только это – не «для кого-то», а «почему-то».

И в этом смысле здесь нет надменности, потому что, наоборот, философ всегда пытается решить проблему, которая больше его самого! Он, если хотите, раздавлен этой проблемой. Потому что если философ решил проблему, то он перестал быть философом. Он может превратиться в ученого, в проповедника, в кого угодно, но перестанет быть философом. Поэтому я не думаю, что здесь есть какой-то след надменности.

Антоновский: А зачем сегодня в России Институт философии? Есть же на Западе философия без институтов...

Смирнов: А вы переверните вопрос, спросите: может быть, и западным философам надо бы создать Институт философии? Это как с подозрной трубой, у которой есть маленькое стеклышко и большое, и вы сейчас смотрите со стороны большого, и вам плохо видно. А вы попробуйте подозрную трубу перевернуть: может быть, европейским философам было бы лучше, если бы у них был такой Институт философии? А может, они о нем мечтают?.. Просто назовите хотя бы одно успешное, долговременно успешное общество, хотя бы одну успешную культуру или цивилизацию, у которых не было бы философии или которые, уничтожив философию, сохранили бы себя. Не назовете!

Потому что философия – это самосознание; то, благодаря чему общество, культура себя осознает – осознает, что она такое, почему и зачем она существует, и зачем

существует именно она. А почему бы этой культуре не «раствориться» в окружающем мире? Ведь, может быть, за морем лучше, а в соседней стране теплее? Так для чего же надо оставаться собой, а не стать другим? Вот ведь вопрос, правда: почему мы – это мы? Просто потому, что мы так привыкли – или в силу чего-то другого?

И на этот вопрос, я думаю, никто, кроме философии, не ответит... На него по-своему дают ответы и литература, и искусство, но все-таки отрефлектированный, теоретический ответ может дать только философия. И потому, да – можно уничтожить философию, но тем самым ты уничтожишь и себя. Она абсолютно бесполезная вещь, но такая «бесполезная», что без нее ничто другое не будет полезным.

Сведения об авторах

СМИРНОВ Андрей Вадимович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии исламского мира Института философии РАН.

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор кафедры социальной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

НИКИФОРОВ Олег Вячеславович – кандидат философских наук, главный редактор и генеральный директор издательства «Логос».

Author's Information

SMIRNOV Andrei V. – DSc in Philosophy, Full Member of the Russian Academy of Sciences, leading Research Fellow, Head of the Islamic Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

ANTONOVSKY Alexander Yu. – DSc in Philosophy, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Social Philosophy of the Faculty of Philosophy of Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

NIKIFOROV Oleg V. – CSc in Philosophy, editor-in-chief and general director of the “Logos” publishing house.